

Денис СУХАНОВ: Для театра революция и анархия губительны

Россия - 2006 -
2-8 февр. - с. 18

Беседовала
Марина Рожмина

Денис Суханов окончил Школу-студию МХАТа в 1997 году. С тех пор играет в театре «Сатириконе». За роли в спектаклях «Шантеклер», «Макбетт», «Доходное место» был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства. Кроме того, за роль Шантеклера получил премию «Чайка», а за роль Дункана («Макбетт») — премию «Кумир».

— Скажите, Денис, судя по вашему опыту, влияет ли критика на жизнь спектакля?

— Бывает и так, что яд критических стрел заметно укорачивает жизнь спектакля, так было с «Маскарадом» — он просуществовал меньше полугода. Судьба этого спектакля не менее драматична, чем сама трагедия. Мы с Максимом Авериным играли в нем по две роли в очередь — Арбенина и Казарина. И в один момент лишились сразу двух своих ролей!

— Этот спектакль все равно из разряда запоминающихся, при всей спорности режиссерского прочтения трагедии Лермонтова. В одной сцене Арбенин двигается в ритме рэпа, с прищепкой на носу — зрелище на любителя. Но при этом ваш дуэт с Глафирой Тархановой в роли Нины до сих пор стоит перед глазами.

— Вообще роль Арбенина была очень трудной для меня: моей задачей было оправдать убийцу, игрока, развратного человека и привлечь симпатии зрителя на его сторону. А как это сделать, если он весь соткан из пороков? Если верить режиссеру Владимиру Агееву, то мотивы убийства тоже были достаточно запутаны. Он хотел

увести подальше от темы убийства из ревности, вводил мистические мотивы: гармония влюбленных возможна лишь за пределами земной жизни. Такие умозрительные трактовки не дают актеру реальной помощи. Мы очень хотели услышать и понять друг друга, но так и не смогли сделать это до конца. Я не получал ответов на свои вопросы и вынужден был искать свои приспособления. Я так и не достиг внутренней гармонии в работе над ролью Арбенина. Спорить не получалось, а подчиняться требованиям режиссера было необходимо. Ведь именно он хозяин спектакля, он двигает фигурами-персонажами, через них он что-то говорит зрителю. Но актеру порой не дано понять смысла всей многофигурной композиции, как солдату не дано понять всей картины сражения.

Самое сложное в профессии актера — присвоить себе роль, хотя не ты ее выбираешь. Но ты просто обязан ее полюбить! Я так и не полюбил Арбенина. Для меня даже Казарин был более симпатичен: было в нем хулиганство и какая-то своя доброта. И даже зло, исходящее от него, было в чем-то обаятельно.

— Стилистика режиссера Юрия Бутусова совпадает с эстетикой театра «Сатирикон»?

— Он талантливый режиссер, который будет успешен в любом театре. Бутусов талантлив даже в умении работать на такой сложной театральной площадке, как «Сатирикон». Это бывший кинотеатр, где длинная сцена, а зал напоминает полцирка. На такой сцене надо уметь выстраивать мизансцены, а актерам надо затрачивать дополнительные силы, чтобы охватывать боковое пространство. Победить это пространство в

такой сложной драматургии, как «Макбетт» Ионеско, — это не каждому под силу.

— По вашим словам, талантливый режиссер может реализовать себя в любом театре, но актер в чужом коллективе может потеряться. В этом нет противоречия?

— В этом драматизм профессии актера, в отличие от режиссера. В чужом коллективе актер может погибнуть. Вступают в силу вкусовые вещи: другой режиссер может тебя не воспринимать, и тогда твой профессионализм обесценивается.

— А каков в работе Константин Райкин?

— Он — яркая личность, прежде всего. Поэтому актерам с ним всегда интересно. Я всегда прекрасно его понимаю. Его задачи всегда ясны! Если он чего-то требует, то обязательно докажет тебе свою правоту. На репетиции, на прогоне он сразу остановит актеров, если его что-то не устраивает. Он не будет ждать, когда они созреют до правильного поведения на сцене. Он требует результата сию минуту, чтобы баццлла неправильного не закреплялась. Он сразу рубит на корню этот сорняк, чтобы само растение дышало правильно, получая нужные соки. Я думаю, что это правильная позиция.

У него стопроцентное чувство ритма, что важно для режиссера. Он любит играть, любит сам ставить, всегда сам стремится к совершенству и требует этого от других. Однако он максималист только в своем театре, а когда смотрит спектакли в других театрах, то всегда склонен находить только положительные черты, готов скорее похвалить, а порой даже и приукрасить какие-то достоинства. Ведь похвала коллег всегда окрыляет, и это идет на пользу спектак-

ЕКАТЕРИНА ЦЕПКОВА

лю, в отличие от критики, которая бывает порой губительна. Вообще, говоря о Константине Райкине, надо признать, что такой самозабвенной, живой, настоящей любви к своей профессии я ни у кого не встречал.

— Какой он за пределами роли художественного руководителя?

— Очень открытый, отзывчивый к чужим трудностям. К нему можно подойти с любыми проблемами. Он всегда поможет, не только сочувствием, советом, но может помочь и деньгами, например. Мы девять лет работаем вместе, и нам даже иногда не нужны слова, чтобы понять друг друга. С годами у нас выработался свой какой-то птичий язык. Вы будете стоять рядом и не поймете, о чем мы говорим. Когда двое близких людей годами живут вместе в одной квартире, то им и говорить-то особо не надо. Не надо спрашивать: «Как ты себя чувствуешь?» Это и так видно.

— В вашем театре существует жесткий закон ротации репертуара. С появлением премьерных спектаклей уходят с афиши старые, хотя и популярные, спектакли в хорошей форме. Актеры переживают это болезненно?

— Я с большим удовольствием играл роль романтического героя Шантеклера в стихотворной драме Ростана на протяжении четырех лет. И до сих пор чувствую, что мне его не достает, — я чего-то лишился с уходом этого персонажа из моей жизни. Но что поделаешь — спектакли снимают с репертуара, подчиняясь интересам театра.

—...А интересы театра не всегда учитывают потребности актеров, это понятно. Но бывает ли так, что хочется заявить о своих интересах открыто? Все-таки в раскрученности брэнда театра «Сатирикон» есть и ваша немалая роль. Вы отдаете себе в этом отчет?

— Я отношусь к этому с иронией. Ну неужели вы серьезно

это говорите? Театр — искусство коллективное, и здесь нет незаменимых. Если я вдруг уйду, никто не заметит. Театр не нуждается ни в ком. Это мы в нем нуждаемся. Театр — такая структура, которая не терпит пустоты, как вода, способная моментально заполнить образовавшуюся нишу. Талантливых людей очень много, они займут твоё место. Театр никогда не помнит твоих прошлых успехов, достижений. Это было вчера, и все. Сегодня нужно выходить опять и делать это заново. И только пока идет спектакль, ты нужен. И только в этот момент есть ты. Ты уходишь, и сцена никогда про тебя не вспомнит и не пожалеет. Театр — он равнодушный. Тут можно работать, только если ты его любишь до самозабвения.

— Амбиции — когда они нужны, а когда мешают актеру?

— Здоровые амбиции нужны актеру, когда он не хочет быть незаметным в общем ансамбле. В той ситуации, когда твои партнеры играют лучше тебя, невольно хочется ярче выразиться. Просто хочется лучше играть. Когда на твоего партнера обращают внимание, а на тебя нет, тогда эти амбиции начинают реально прорастать, становясь жгучими и мучительными. Они почти разрушающие, но они здоровые, тем не менее. Есть и нездоровые амбиции, порождающие интриги, зависть. Когда кому-то кажется, что он обойден вниманием, оттеснен. С годами начинаешь шире видеть эту проблему: тебя не взяли не потому, что ты плох, а просто именно сейчас ты не подходишь под этот состав, под эту режиссерскую придумку. Это время, когда надо свое самолюбие смирить. Зачем переживать понапрасну? Это все равно тебе ничего не даст, будет тебя только разрушать. В любом театре есть актеры, которые не получают желаемых ролей, а еще хуже, когда заветную роль получает кто-то, на взгляд этого актера, недостойный. Это же страшное дело! Для театра, как и для государства, революция и анархия губительны.